

Поэма о большом сердце

Глаза. Добрые, любящие глаза матери. Сколько тепла, сколько ласки излучают они на сына. Сын — Павел. Непривычная серая одежда арестанта. Острог. Горечь, грусть и... гордость. Поняла дело сына, почувствовала его правоту большим материнским сердцем. Сначала боязливо, настороженно, потом уверенно, вызываясь уверенно кричала «щи, каша, пироги горячие, похлебка». По паролю «есть пирожки — завтра будут» раздавала на заводе листовки.

А как много надо рассказать, каким долгим материнским взглядом смотрит в лицо сына. Короткие минуты свиданья.

И вот, наконец, оно настоящее свиданье. Лачуга сормовского поселка. Покосившиеся стены. Полки книг. Комната Павла Власова.

Трепетные пальцы матери ласкают покатые плечи сына. Сын, Павел, пришел. Пришел, чтобы уйти. Уйти в первомайской колонне, со знаменем в руках, а потом острог, Сибирь, вечное поселение. Это право Павла. Право отцов. Почетное право знаменосцев боев с царизмом.

Андрей Находка. Милый, трогательный Андрей Находка. Мудрый большевик, верный друг, ласковый сын неведомой матери. Он тоже

ИЗ ПОСТАНОВКИ ПЬЕСЫ «МАТЬ».

плачет, обнимаясь с Павлом. Вместе из тюрьмы, вместе на демонстрации, вместе в тюрьму, на поселение.

Павел прав — нести знамя его право, а затем опять тюрьма. Но разве жестоко надо говорить об этом матери. И Андрей Находка, некрасивый, добрый Андрей Находка, прошедший школу большевика — школу острогов, пересыльных этапов, побегов, учит Павла заботливо ценить «хорошие глаза Неньки», большое любящее материнское сердце.

Первое мая 1902 года. Алое знамя. Речи, песни. Цокот копыт. Казаки. Ближе, ближе и ближе. Марсельеза, бодрящая волю, сплывающая ряды. И ружья, ощерившиеся штывками. Солдаты забирают Павла, Андрей. «Прощай, мама!» «Прощай, Ненька!».

А по небу бегут серые обрывки облаков. Серые облака, серые люди, люди-пингвины, люди мещанского болота торжествуют победу.

Мать приподнимается с земли. Она держит в руках изорванное, алое знамя. Знамя сына, знамя Андрея. Глаза полны решимости. Сердце, израненное, любящее сердце матери — сердце борца, готового идти по стране со словами Павла, со словами правды...

Обрывки облаков собираются в тучи, они плывут по хмурому небу. За ними солнце. Близкое и яркое, радостное.

Так заканчивается второй акт спектакля «Мать» в театре краевого совета профсоюзов.

Мы не собираемся сегодня писать критическую статью, анализировать большое мастерство Е. Ф. КОТОВИЧ (Пелагея Ниловна),

И. И. ГРИВЦОВА (Андрей), характеризовать яркие, эпизодические образы, созданные театром и свидетельствующие о возрастающей силе его ансамбля. Не собираемся также говорить и об очевидных слабостях спектакля. Не в этом суть. Главное заключается в том, что творческий коллектив театра воспринял стиль Горького, заговорил ярким, образным языком пролетарского классика мировой литературы.

Признаемся, мы давно не перечитывали «Мать», первый роман о пролетарских революционерах. Театр заставляет жадно потянуться за книгой, раскрыть ее страницы. И, странное дело, перечитывая роман начинаешь мыслить образами театра. Да, таковы Пелагея Ниловна, Андрей Находка, Николай Весовщиков, Егор Иванович, Сапшенка, старик Сизов, провокатор Мазин... Образы театра воплощают типические черты героев Горького и звучат единственно, неповторимо.

Театр прочел роман Горького, как героическую поэму о молодом рабочем революционере, о мудром большевике, о сердце пролетарской матери.

Театр одержал огромную, бесспорно крупнейшую за все года своей работы победу. Зритель-комсомолец, выходя из театра, радостно ощущает за трепетным биением большого сердца Пелагеи Ниловны другое, родное, любимое сердце великой партии Ленина — Сталина.

К. АЛЕВСКИЙ.